

цев, но указывает на ее оборотную сторону – человеческую цену, заплаченную за эти достижения, а также затратный характер принудительной экономики (с.215).

О.В.Большакова

2004.04.021. БЛЭК К. ОТВЕТИТЬ ЗА ВАКХАНАЛИЮ: УПРАВЛЕНИЕ, ВЛАСТЬ И ПУТИЛОВСКАЯ ТРАКТОРНАЯ ПРОГРАММА, 1928–1930. BLACK C. Answering for Bacchanalia: Management, authority and the Putilov tractor program, 1928–1930. – Pittsburgh, 2002. – 45 p.

В работе американского историка Клейтона Блэка на примере Путиловского завода в Ленинграде исследуется проблема перехода СССР к новым принципам управления социалистической промышленностью. Автор обращает особое внимание на институциональные конфликты наверху, которые разворачивались главным образом между ВСНХ и Госпланом, с одной стороны, и Рабоче-крестьянской инспекцией (Рабкрином) – с другой, и на их связь с бурными дебатами внизу, на уровне отдельного предприятия.

Переход от смешанной экономики середины 1920-х годов к централизованному планированию выдвинул Путиловский завод на первый план в качестве единственного в СССР крупного производителя тракторов – «железных коней для сельского хозяйства, которое двинется из темноты прошлого в светлое социалистическое будущее», – пишет автор (с.8). Завод начал производить «Фордзоны-Путиловцы» в 1923 г., после того как инженеры разобрали американскую модель и скопировали ее, внося некоторые изменения в конфигурацию. За первый год было выпущено только пять «ФП». На Первомайском параде 1924 г. трактор проехал всего несколько кварталов и сломался. По мере расширения производства и устранения дефектов низкое качество первых путиловских тракторов продолжало оставаться главной проблемой. Зарубежные наблюдатели даже ставили под вопрос смысл производства трактора модели «Фордзон», который изначально был предназначен для использования на небольших фермах, а не на гигантских колхозных полях, к тому же давно вышел из употребления в Америке. Тем не менее производство продолжалось, и в 1927/28 хозяйственном году было выпущено более тысячи тракторов (с.8–9).

Как указывает К.Блэк, с самого начала план массового производства тракторов содержал в себе утопическую веру в то, что механизация сельского хозяйства является главным средством увеличения сельхоз-

продукции и, соответственно, необходима для построения коммунизма. В стране, где более 80% населения обрабатывало землю, ничто не символизировало борьбу большевиков с вековой отсталостью лучше, чем отправка в деревню как можно большего количества тракторов. В контексте новой экономической политики трактор символизировал «смычку» города и деревни, а в годы первой пятилетки – идеальную форму общественной собственности в новой колхозной системе, носителя новых социалистических начал. И хотя Путиловский завод не был приспособлен для массового производства сложных машин, вера в преобразовательную силу трактора побуждала советских руководителей ставить перед предприятием все более высокие задания.

Внимание к Путиловскому заводу дало ему значительные выгоды: было закуплено современное оборудование за рубежом, государственный заказ обещал загрузку всех 50 заводских цехов в течение многих лет. Кроме того, дирекция завода могла надеяться получить в свое распоряжение квалифицированных специалистов. Однако, замечает автор, благодаря такому вниманию Путиловский завод оказался втянут в конфликт между планирующими организациями (с.9).

ВСНХ в 1926 г. поручило Путиловскому заводу поднять производство к 1931 г. до 5 тыс. тракторов в год. Для этого требовалась серьезная реконструкция завода, который не был приспособлен для современных методов массового производства, к тому же все оборудование было крайне изношено. Автор описывает неразбериху с модернизацией завода: оборудование закупалось без участия заводских представителей, прибывшие станки нигде было размещать, не было инструкций по сборке и необходимых инструментов. Наконец, когда тракторный цех был все же переоборудован под производство 5 тыс. машин в год, вспомогательные литейный и кузнечный цеха по-прежнему оставались рассчитаны на производство 1200 тракторов (с.10).

Расчеты экономистов ВСНХ постоянно оспаривались Рабкрином. Здесь считали, что проблемы Путиловского завода относятся к разряду «человеческих ошибок», а вовсе не обусловлены «объективными» препятствиями, и требовали повысить производство тракторов до 10 тыс. в год. Инспекция убедила Совет труда и обороны повысить плановое задание заводу в 2,5 раза. Директор завода В.Ф.Грачев пытался объяснить, что для такого скачка требуется время и увеличение фондов, а также дальнейшее переоборудование цехов. Он категорически отверг новое

предложение Рабкринина выпускать к 1930 г. 15 тыс. тракторов в год (с.10–11).

После длительного противостояния Грачева с Рабкрином в лице М.М.Кагановича был достигнут временный компромисс, но вскоре СТО вновь повысил плановое задание заводу. Директор считал его невыполнимым, и его возражения носили исключительно практический характер. Грачев был хорошо осведомлен о возможностях государства и, прекрасно понимая политическое значение тракторной программы, надеялся получить максимальную поддержку со стороны государственных учреждений и предприятий (с.11–12).

Ко всеобщему удивлению, план на 1928/29 г. был перевыполнен, хотя вопрос о качестве выпущенной продукции остался непроясненным, указывает автор. Перевыполнение плана, особенно в свете возражений Грачева, подтвердило бытовавшее убеждение, что «нет крепости, которую не могли бы взять большевики», и убедило, что ссылки спецов и управленцев на невозможность выполнения поставленных государством плановых заданий в силу «объективных обстоятельств» отражают их неверие в непочатые возможности и энергию инициативы рабочих масс. Как признавался Куйбышев, никто в ВСНХ не верил в возможность выпуска 3 тыс. тракторов за 1928/29 г., однако перевыполнение этого нереального задания подвигнуло государство на новые перспективные планы, до 20 тыс. тракторов к концу первой пятилетки (с.12).

После командировки делегации завода во главе с Грачевым в Америку на предприятия Форда была разработана программа почти полного переоборудования и строительства новых цехов. Как замечает автор, план учитывал все стороны материального снабжения и инвестирования, но не учел кадровой проблемы, которая заключалась в нехватке персонала и наплыве неквалифицированной рабочей силы из деревни. Вчерашние крестьяне не понимали, что такое трудовая дисциплина. В первом квартале 1929 г., например, прогулы только в тракторном цеху составили 5666 рабочих дней (с.13).

Проблемы во взаимоотношениях администрации с рабочими к 1929 г. достигли критической точки. Грачев жаловался на атмосферу взаимного недоверия, которая усилилась во время кампании «самокритики», развернувшейся в 1928 г., на то, что комиссии Рабкринина «буквально терроризируют» инженерно-технический персонал (с.14–15).

5 сентября 1929 г. вышло Постановление ЦК об установлении единоначалия на предприятиях промышленности. Постановление отра-

жало те начала, на которых, по мнению правительства, должна функционировать социалистическая индустрия: строгий учет; четкое определение прав и обязанностей профсоюзов, парторганизаций и администрации; строгая иерархия и обязательность выполнений приказов руководства; возможности для рабочей инициативы снизу. В идеале управленцы и спецы должны были совместно следить за согласованностью работы всех аспектов производства. Роль профсоюзов состояла в том, чтобы разбирать споры с администрацией и поощрять дисциплину и рабочую этику. Парторганизация не имела права вмешиваться в работу администрации и должна была объединять всех работников завода в деле выполнения программы правительства, искоренять враждебные элементы и бороться с лентяями (с.15).

На практике принцип единоначалия означал личную ответственность директора завода за выполнение плана. Он не решил проблемы взаимоотношений администрации с рядовыми рабочими, партийной и комсомольской организациями, особенно в свете невероятного повышения перспективных плановых заданий той же осенью 1929 г. Для Путиловского завода предполагалось повысить ежегодный выпуск тракторов до 15 тыс. в 1930/31 г. и 20 тыс. в 1931/32, причем, как замечали в ВСНХ, «эти цифры могут быть пересмотрены в сторону повышения» (с.17).

Как пишет автор, трудно представить себе, чтобы дирекция и инженеры завода отреагировали на это иначе, чем с раздражением (с.17). Однако по инициативе парторганизации рабочие выдвинули встречный план, еще более непомерный. Грачев возражать не мог. В масштабах страны инициатива путиловских рабочих стала для всех примером. При этом на деле поведение рядовых рабочих на заводе было далеко от идеального. Отмечались «нездоровые настроения» по поводу перехода на трехсменный график работы и несоответствия зарплаты уровню эксплуатации (с.18–19).

Завод сразу же начал отставать от графика, началась чехарда с пересмотром плановых заданий, парторганизация обвиняла во всем администрацию, которая не проводит принцип единоначалия и при этом не задействует в полной мере творческие возможности рабочих. Организационная неразбериха усилилась в связи с решением правительства возродить на предприятиях промышленности хозрасчет. Обещания Грачева перейти к 1 апреля 1930 г. на хозрасчет не были выполнены, что только усилило позиции его обвинителей на заводе. Начальники цехов не справлялись с той массой организационной работы, которая обрушилась на них в начале года. Кроме того, в феврале был арестован за

них в начале года. Кроме того, в феврале был арестован за «вредительство» начальник одного из цехов. Грачев имел все основания опасаться, что он одного за другим потеряет своих квалифицированных сотрудников (с.22–23).

Бесконечные комиссии Рабкина весной 1930 г. усиливали атмосферу конфронтации на заводе, которая накалялась с каждым днем. Для заводской газеты «Красный путиловец», обвинявшей администрацию в безответственности и нежелании вводить единоначалие, был характерен язык политического конфликта и классовой борьбы – ее страницы пестрели терминами «правые», «оппортунисты», «чуждые элементы» и «вредители», пишет автор (с.23).

Провал майского месячного задания стал началом конца администрации Путиловского завода. Вместо 1150 тракторов завод выпустил 201. Это был провал не только самого завода, но и смежников, которые недопоставили огромное количество запчастей. В начале июня 1930 г. на завод прибыли сотрудники ОГПУ и арестовали нескольких ведущих сотрудников и инженеров. Теперь парторганизация получила на заводе решающий голос, однако не спешила рекомендовать смещение Грачева (с.24–25).

За июнь и июль благодаря авралам производство было значительно увеличено, однако за два последних месяца хозяйственного года завод должен был выпустить 4 тыс. тракторов, что представлялось абсолютно невозможным.

В августе Грачев был вызван в Москву для объяснений. Через месяц на посту директора его сменил К.М.Отс. Были сняты 18 начальников цехов и отделов, а также значительное количество техперсонала. Программа по выпуску 12 тыс. тракторов была выполнена чуть более чем на 70%. Однако положение для завода облегчилось тем, что по решению ЦИК и СНК в конце сентября начало нового хозяйственного года было перенесено на январь 1931 г., что давало промышленным предприятиям страны дополнительное время на выполнение годовых заданий (с.25).

Достаточно странно, комментирует автор, но ВСНХ переводит Грачева в Сталинград, где он становится директором нового тракторного завода. В условиях крайнего дефицита квалифицированных управленцев даже явный провал Грачева на Путиловском заводе не испортил его карьеру. Более того, он взял к себе на Сталинградский завод многих инженеров с Путиловского (с.26).

В заключение автор отмечает, что планы советского правительства по расширению производства в период первой пятилетки имели в своей основе политические мотивы и не учитывали экономические реалии. Для многих членов партии было характерно желание доказать превосходство системы социализма над миром капитала и поскорее двинуться «к сверкающему социалистическому будущему». Однако прыжок в социализм должен был обернуться тяжким бременем для промышленности, и авторы Постановления об установлении единоначалия ясно понимали, что задачи индустриализации не могут быть решены без передачи власти на производстве в руки управляющих и технических специалистов (с.26).

Однако как бы советские лидеры ни были убеждены в необходимости отстаивать prerogatives управленцев перед властью партии и профсоюза, они не были готовы отказаться от контроля снизу. В контексте классовой борьбы в годы первой пятилетки и учитывая количество «буржуазных» специалистов, партийные лидеры не могли быть окончательно уверены, что руководители промышленности выполняют поставленные перед ними задачи. Кампания 1928 г. по «самокритике» показала, что рядовые рабочие могут быть мощными союзниками государства в том, что касается выявления классовых врагов и выдвижения инициативы снизу. Кроме того, игнорирование рабочего контроля играло бы на руку тем оппозиционерам, которые утверждали, что партия и профсоюзы бюрократизировались и что власть рабочих в промышленности полностью уничтожена. Наконец, отмена практики контроля создала бы серьезные проблемы в отношении рабочих к партии. Рабочие так и не получили того, что обещала им революция, а поскольку первому пятилетнему плану сопутствовали ухудшение уровня жизни и конфронтация с крестьянством, партия никак не могла отказаться от рабочего контроля (с.26–27).

В условиях тяжелого институционального конфликта, закончившегося победой Рабкрина над Госпланом и ВСНХ, в условиях постоянного игнорирования знаний инженеров, управленцев и других специалистов заводская администрация не могла обрести себе поддержку для решения производственных вопросов. А парторганизация и рабочие, которых даже поощряли критиковать администрацию, имели внимательных слушателей в лице партии и Рабкрина, указывает К.Блэк. Постановление ЦК, конечно, провело четкие различия между производственными и политическими функциями на промышленном предприятии, однако его авторы забыли, что заводское производство в СССР являлось по своей

сути политическим. Насущные политические задачи первого пятилетнего плана быстро перевесили экономические соображения. Тот факт, что директора заводов не ввели единоначалия на своих предприятиях, демонстрирует их понимание производственных задач как задач политических. Для них принцип единоначалия означал в первую очередь то, что они должны отвечать за невыполнение плана. Результаты выполнения плана 1929–1930 гг. на Путиловском заводе подтверждают правоту директоров, заключает автор (с.27).

О.В.Большакова

2004.04.022. ИСТОРИЯ СТРАНЫ / ИСТОРИЯ КИНО /Под ред. Секиринского С.С. – М.: Знак, 2004. – 496 с.

Предмет книги – реальная история страны, увиденная сквозь призму игрового кино. В книге проанализировано несколько десятков картин, представляющих все этапы развития российского, советского и постсоветского кинематографа. Художественные фильмы рассматриваются как многослойные источники информации о времени и месте своего рождения, своеобразные исторические документы, помогающие пониманию истории России в течение XX и в начале XXI в.

Книга, написанная большим коллективом авторов (25 историков и искусствоведов – 29 статей), состоит из семи разделов («Историк и кино», «Традиция, революция, кинематограф», «Эпоха Сталина», «Экранные поиски и нормативы», «Время “оттепели” в кино», «От советского кино к постсоветскому», «С точки зрения истории кинозала»).

Сборник вышел под редакцией С.С.Секиринского и открывается его статьей «Кинематографичность истории, историзм кинематографа». В ней отмечается значение темы, ее основное содержание. Автор пишет, что обращение историков к произведениям литературы и кинематографа нельзя считать случайным и конъюнктурным, поскольку расширение предмета исторической науки в настоящее время во многом и происходит на основе междисциплинарного взаимодействия, на стыках традиционно обособленных отраслей знания, в их пограничье. К числу таких разработок, безусловно, относится и вовлечение в сферу исторического анализа (как и исторического образования) социокультурной и гуманитарной проблематики, широко отраженной в художественных произведениях, в том числе и в кинематографе.

С течением времени и прогрессом аудиовизуальных средств передачи и сохранения информации «словесная» история будет уступать все